

Б. Н. ПУТИЛОВ

НОВОГВИНЕЙСКИЕ ДНЕВНИКИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дневники Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященные шести его путешес-
тиям на Новую Гвинею, принадлежат, несомненно, к наиболее
важным и самым интересным сочинениям русского ученого-путеше-
ственника и с полным правом могут рассматриваться в ряду круп-
нейших произведений мировой литературы путешествий.¹ Содержа-
ние их поражает своим богатством, новизной и разнообразием сведе-
ний по этнографии, антропологии, географии, естествознанию,
а полнейшая достоверность и точность, откровенность записей, пол-
ное отсутствие в них чего-либо показного, рассчитанного на внешний
читательский успех, делают дневники документом уникальной цен-
ности. Это особенно относится к обработанным автором для печати
дневникам, описывающим первое и второе пребывания путешествен-
ника на Берегу Маклая в 1871—1872 и в 1876—1877 годах. С их
страниц постепенно открывается перед нами увиденный впервые
глазами русского ученого первобытный папуасский мир — в много-
образии и загадочности его этнических особенностей, его уклада
жизни, подробностей быта, внутренних отношений, мировосприятия,
человеческих судеб. Читатель становится свидетелем редчайшего
эксперимента, наблюдая шаг за шагом процесс «вживания» Миклухо-
Маклая в этот необычный мир — от первых, не всегда удачных,
попыток установления «нормальных» контактов, через мифологиза-
цию папуасами белого пришельца («Человек с Луны») до признания
ими его своим, «большим-большим» соплеменником («Тамо боро-
боро»). А рядом с этим совершается и другой процесс — превращение
ученого-наблюдателя, изначально видящего в папуасах таких же
людей, как он, готового жить их жизнью и быть им полезным в их

повседневных заботах, в активного защитника народа от колониализма, борца за его права.

Дневники представляют собою неоценимый источник для познания личности их автора, во многом загадочной, сочетающей трудно соединяемые нашим сознанием черты (скажем, преклонение перед Чернышевским и увлечение Шопенгауэром или демократичность взглядов и поведения, заложенная чуть ли не с детских лет, и странные проявления «аристократизма»), но устойчиво и ярко выражавшей и отстаивающей преданность истинной науке, горячему патриотизму и активному гуманизму.

Дневники Миклухо-Маклая с момента их опубликования в начале 1920-х годов сразу же завоевали любовь широкого читателя, а в специальных обработках заняли прочное место в отеческой и юношеской литературе.

Между тем остается актуальной задача научного изучения и издания дневников, освещения в этой связи многочисленных общих и частных источниковедческих и текстологических проблем.

1

Новогвинейские дневники впервые на русском языке в относительном виде были опубликованы в 1923 году.² Потребовалась четверть века, чтобы усилия Д. Н. Анутина, взявшего на себя нелегкий труд по подготовке издания сочинений Миклухо-Маклая, увенчались успехом. Есть основания подробнее остановиться на этой публикации, так как именно она во многом определила характер последующих научных изданий дневников путешественника и породила проблемы, не получившие до сих пор удовлетворительного разрешения.

Как показывают наши разыскания, публикация 1923 года основывалась на рукописной копии с авторизованного текста дневников, скорее всего приготовленной по поручению Д. Н. Анутина.³ Отдельные части этой копии служили наборными экземплярами (на них сохранились следы работы типографщиков), другие, вероятно, были перепечатаны для набора (есть соответствующие пометы). Во всяком случае, тексты дневников в издании 1923 года в массе своей идентичны текстам рукописной копии (небольшое число разночтений объясняется, скорее всего, тем, что в корректуре была проведена дополнительная редакторская правка). Сразу же заметим, что рукописная копия изобилует громадным количеством поправок, и все они перешли в публикацию. Поправки эти составляют два слоя, разделенных значительным промежутком времени.

Первый слой — немногочисленный — относится, скорее всего, к 1890-м годам, когда Анучин, еще надеясь на возможность скорого издания книги, готовил рукопись к печати. Почерк его узнается без труда. Его рукой раскрыты отдельные сокращения, устраниены пропуски, имевшиеся в оригинале, сделаны некоторые дополнения.

Второй слой — гораздо более поздний, поправки сделаны крупным почерком, чернилами и карандашом, скорее всего они также

принадлежат Анучину. Редактор переводил рукопись на новую орфографию: вычеркивал ъ в конце слов, буквы ё и і исправлял на є и и, окончания аго и яя соответственно менял по новым правилам. Ясно, что правка эта делалась непосредственно перед сдачей рукописи в набор. Но теми же чернилами и карандашом и тем же почерком через всю рукопись прошла густая правка текста, непосредственно относящаяся к его содержанию. Можно заметить, что поначалу она была довольно скромной, но постепенно усиливалась, словно бы редактор входил во вкус, и в последних частях рукописи приобретала характер сплошной. Забегая несколько вперед, замечу, что вся эта правка никакой связи с оригиналом, с которого делались копии, не имела и никакой опоры в нем не находила. Она полностью лежит на совести редактора. Мелких и крупных поправок в рукописи несколько тысяч, но они могут быть сведены к некоторому количеству типовых случаев.

1. Замена отдельных слов: вместо «противного» — «противоположного», «вкраплось» — «появилось», «обширный» — «значительный», «был» — «оставался», «вокруг» — «около», «невозможно» — «нельзя», «была» — «имелась». Такие замены носили, очевидно, стилистический характер, но иные из них вовсе не были нейтральными в смысловом отношении. Так, «исследования» упорно заменялись на «наблюдения», тем самым полевая работа Миклухо-Маклая как бы ставилась на уровень ниже.

2. Изменения порядка слов: вместо «ливень захватил меня» — «меня захватил ливень»; «они до сих пор» — «до сих пор они»; «капитально сделана» — «сделана капитально»; «придумал его пить» — «придумал пить его»; «процедуру, выше описанную» — «выше описанную процедуру».

3. Замена местоимений соответствующими по смыслу существительными: вместо «они» — «пироги», «они» — «листья», «открыл его» — «отыскал череп», «носят его» — «носят огонь», «он» — «Туй».

4. Переделка отдельных словосочетаний и частей фраз: вместо «кажется назойливым» — «надоедает», «пропустить ее» — «оставить ее без внимания», «сегодня узнал наверное» — «мне удалось узнать», «оказался мне доказательством» — «показал мне», «были довольно круглые» — «выказывали довольно круглые формы».

5. Сокращения и изъятия отдельных фраз: в дневнике 1871—1872 годов в записи под 16 декабря («занимался уборкою ~ последние недели»; «который побудил ~ по антропологии»), под 18 февраля («Не желая ~ образ жизни»), под 2 марта («наблюдений и созерцаний ~ происходящего») и др.

6. Добавление слов и частей фраз: в записи под 29 мая добавлено: «Подождав, пока мой ночной посетитель выскользнул из хижины...»

Из анализа массы поправок можно заключить, что редактор стремился «улучшить» текст Миклухо-Маклая, выправив, с его точки зрения, стилистические огрехи, излишне тяжеловесные обороты, устаревшие стилистические конструкции и т. д. Как выступает из заметок самого Анучина, он склонен был рассматривать оригинальные рукописи Миклухо-Маклая как незавершенные, подчас черновые и

считал себя вправе обращаться с ними достаточно вольно. На деле же редакторская правка приобретала произвольный, субъективный характер, превращаясь в мелочное, никакими правилами не обоснованное и никак не контролируемое вмешательство в авторский текст. В итоге она приводила к тому, что стиль автора, в котором индивидуальные особенности (склонность к свободной разговорной манере, избегание шаблонных оборотов, некоторая тяжеловесность и даже неуклюжесть выражений) сочетались с характерными для русской литературной речи второй половины XIX века грамматическими и стилистическими нормами, словоупотреблением, привычными оборотами, нивелировался, обеднялся, заменялся стереотипной «правильностью». К тому же «чисто» стилистические поправки подчас приводили к смысловым сдвигам, а то и просто к ошибкам. Наряду с относительно безобидными случаями подобных смещений смысла (вместо «не запомню я такой высокой температуры» при описании очередного приступа лихорадки — «не запомню я подобного пароксизма»; вместо «дождь <...> мог совершенно заполнить ее» — «и тогда шлюпка могла утонуть») поправки приводили к нарушениям этнографической точности описаний. Один выразительный пример: фразой «ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть» автор указывает на то, что (в соответствии с традиционными обычаями) папуасы дорожили челюстями своих предков, хранили их в хижинах и не соглашались расставаться с ними, в то же время легко отдавая черепа; будучи исправленной («ни у одного черепа не было нижней челюсти»), фраза утрачивала тот смысл, какой придавал ей автор.

Редактор, кажется, склонен был преуменьшать трудности жизни путешественника: вместо «было тяжелою работою» — «было довольно тяжелою работою» и т. п.

Приведенные выше примеры взяты из рукописи дневника 1871—1872 годов. Масса аналогичных поправок содержится и в рукописи дневников 1876—1877 годов. Вот лишь наудачу выбранные примеры: вместо «физиономий <...> гор» — «виды <...> гор», «наперед» — «заранее», «бодрствовали» — «сторожили», «посеял ее снова» — «снова посеял ее», «заботы и разнообразная деятельность» — «другие занятия», «выплясывать вокруг группы» — «плясать кругом», «мне показалось ясным» — «было очевидно».

Немалое число сокращений коснулось отдельных мест рукописи, а с другой стороны, было внесено довольно много мелких дополнений, которые, видимо, должны были прояснить и уточнить сказанное автором. Так, вместо одного слова «туземцев» появилось «сидящих тамо и нескольких туземцев из Бонгу»; вместо «что каждый» — «что обычай так уж установил, что каждый»; вместо «женщин» — «женщин из Бонгу и Горенду <...> голосивших».

Не обошлось и без ошибок, явившихся в результате неосторожной правки. В рукописи было: «живет предполагаемый недруг Ванума или его отца, приготовивший оним» (оним в данном случае — магический предмет, вызвавший смерть). Рукой редактора исправлено на «отец», что исказило смысл фразы: виновником смерти ока-

зался не «недруг», а его отец. Подчеркнем, что во всех этих случаях редактор вносил исправления исходя из своего понимания смысла, контекста, без опоры на какие-либо источники. Вообще можно утверждать, что второй (поздний) слой правки редактором произошел «с листа», без обращений к оригиналу либо к другим источникам.

Анучин не ограничился стилистической правкой, но осуществил и более серьезную редакторскую работу, связанную с решительной перекомпоновкой отдельных разделов и включением в корпус сюжетов, в оригинале отсутствовавших. Рукописная копия буквально испещрена пометами цветными карандашами, указывающими на перестановки, отсылки в другие места, разные включения и т. д. Рукопись дневников 1876—1877 года после редактирования приобрела такой вид, что для набора ее пришлось отдать на перепечатку, хотя наборщики в те годы были весьма нетребовательны к состоянию рукописей.

Редакторская правка коснулась так или иначе всех текстов, включенных в издание 1923 года.

Таким образом, осуществив дело громадного культурного значения, — по существу заново открыв читателям Миклухо-Маклая-путешественника публикацией замечательных новогвинейских дневников, — Д. Н. Анучин одновременно допустил такие нарушения эдиционно-текстологического порядка, которые нельзя иначе квалифицировать как редакторский произвол и искажение авторской воли. Такого рода операции с текстами невозможно оправдать никакими ссылками на несовершенство источников или на особенности работы Миклухо-Маклая как автора.

Следующее научное издание дневников появилось только в 1940 году.⁴ Увы, оно лишь усугубило ошибки первого. Хотя его редакторы восстановили несколько мест, пропущенных Анучиным, они подвергли текст еще более интенсивной правке, исходя из убеждения в том, что имеют дело с черновиками, с которыми можно поступать по собственному усмотрению. Число стилистических (отчасти и смысловых) поправок, а по существу искажений авторского текста выросло (сравнительно с изданием 1923 года) более чем вдвое.⁵

К сожалению, при подготовке академического издания собрания сочинений Миклухо-Маклая текстологические принципы не были пересмотрены. Похоже, что редакторы целиком следовали своим предшественникам в подходе к текстам дневников.⁶

Таким образом, вопрос о подлинно научном издании дневников Миклухо-Маклая, основанном на глубоком изучении всех сохранившихся материалов и на определении основного текста, остается открытым.

Итак, в изданиях 1923, 1940, 1950 годов новогвинейские дневники опубликованы по копиям, сделанным для Анучина и подвергнутым им обильной правке. (К части Анучина надо сказать, что вести правку прямо по рукописям, принадлежавшим покойному

Миклухо-Маклаю, он счел невозможным). О том, что мы имеем дело с единым комплексом рукописей, приготовленных в одно время, свидетельствует тот факт, что в разных частях этого комплекса мы обнаруживаем одинаковые почерки. Все части сходны еще и тем, что в них находятся однотипные пропуски, оставленные для разных научных терминов, имен, географических названий. В большинстве своем эти пропуски затем заполнены рукой Анучина.

Источники, к которым восходят эти рукописи, могут быть указаны безошибочно: это четыре тетради, сшитые нитками из больших, сдвоенных или одинарных линованных листов (в некоторых тетрадках отдельные листы не вшиты, а просто вложены).⁷ Текст писался то на одной стороне, то на обеих. Характерная особенность рукописей — на всех без исключения листах заполнена лишь левая половина, правая же оставлена чистой и сюда позднее вынесены поправки и дополнения.

Четыре тетради разного объема составляют дневники пяти путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею: 1874, 1876—1877, 1880, 1881 и 1883 годов.⁸ Единство и последовательность рукописей отражены в сплошной пагинации, сделанной механической печаткой (нумерация листов пятизначная, соответственно: 00232—00289, 00290—00350, 00351—00369, 00370—00385). Кем и когда она сделана, мы не знаем. Пагинация, во всяком случае, свидетельствует о том, что в момент ее нанесения существовало в составе общей рукописи еще несколько тетрадей, и вряд ли можно оспорить, что основную их часть занимал дневник 1871—1872 годов, который, как известно, по объему превосходит все остальные вместе взятые новогвинейские дневники.

Все основные части рукописи (левой их половины) написаны тремя почерками: два из них, довольно похожие по стилю, каллиграфически ровные, изящные, явно принадлежат профессиональным переписчикам; третий, — скорее всего, кому-то из близких Миклухо-Маклая, родственникам или друзьям. Смена почерков носит более или менее случайный характер, но можно допустить, что третий почерк появляется там, где у автора дневников возникали трудности с их обработкой или вообще с источниками.

Анализ сохранившихся частей рукописи, их состава, отношения к имеющимся в нашем распоряжении полевым дневникам, характера допущенных переписчиками ошибок и сделанных исправлений позволяет прийти к следующим заключениям о природе текста: во-первых, рукопись создавалась под диктовку Миклухо-Маклая; во-вторых, текст творился в процессе диктовки, а не был заготовлен заранее, хотя, конечно же, автор опирался на имевшийся у него под руками источник.

Обратимся к тетради с дневником 1874 года, имея возможность сопоставить ее с полевым дневником. В ряде случаев можно видеть, как отдельные фразы перестраивались на ходу и переписчик должен был тут же зачеркивать одни слова, надписывать другие, менять знаки препинания, окончания слов и т. п.⁹ «Мы условились, что я к 5 часам <осмотреть> съеду»; «пр~~и~~был в оши мимо Мар, кра-

сивой деревушки на островке»; «спустив курок» когда выстрел раздался»; «острова, покрытые на которых росли мангровы»; «гресть всю но весь день»; «вышел на берег» соскочил с урумбая на берег»; «оставили» ушли к себе»; «сделав его ответственным за последнего» сказав последнему, что он будет отвечать перед резидентом».

Выясняется, что в большинстве случаев первые, затем отставленные варианты совпадают с записями в полевом дневнике; другими словами, Миклухо-Маклай диктовал, держа перед собою полевой дневник, и сперва, как бы по инерции, следовал его тексту, но подчас тут же начинал вносить в него поправки.

Возможно, такого же происхождения поправки имели место в рукописях других дневников, о чем можно догадываться по характеру поправок. В дневнике 1876—1877 годов: «Береговы^м деревни^я и угрожали пострадали главным образом от необыкновенно больши^ях волн^ы»; «продолжал расправляться со св чинить расправу» и др. В дневнике 1880 года: «Он состоит из овальной петли, из ротанга, в палец толщиною; оба конца его, ею связанные, образуют вместе с небольшим копьем, которого конец небольшого копья, к которому прикреплена петля из ротанга, которого оба конца связаны с копьем, образуют ручку» и др.

Подобного рода поправок набирается порядочное количество, и все они показывают, как Миклухо-Маклай в процессе диктовки старался улучшить полевые записи, делая их более ясными для читателя, дополняя подробностями, устранивая повторения и т. п.

Переписчики при диктовке не всегда верно слышали отдельные слова. По-видимому, Миклухо-Маклай диктовал не целыми фразами или законченными смысловыми отрезками, и смысл отдельных слов становился понятным с запозданием, что и отражено в поправках, сделанных тут же переписчиками. Так, первоначально переписчик написал: «щеголяет подмазкою», а затем исправил после завершения фразы: «щеголяет под маскою большой честности». Слова «имена», «мавары», «ноги» переписчик сначала услышал как «именно», «авары», «многие», а затем тут же исправил по смыслу. Похоже, что в трудных и сомнительных случаях Миклухо-Маклай либо просил переписчика прочитать написанное, либо сам заглядывал в рукопись. Именно так можно объяснить поправки, внесившиеся тут же явно по подсказке диктовавшего: «В Атабело» исправлено на «Ватабелла», «Камакаваллар» на «Камака-Валлар», «Телок-Каюмера» на «Телок-Каю-Мера», «На Матоты» на «Наматоте» и др. По подсказке же с опозданием отмечались абзацы: начальные слова фраз зачеркивались и переносились в новую строку.

Все эти исправления, принадлежавшие переписчикам, делались аккуратно, и, хотя их было много, они не портили рукопись. Это был первый, самый ранний слой правки.

Следующий слой составляют исправления и дополнения, которые Миклухо-Маклай вносил, перечитывая рукопись. Часть их внесена прямо в текст переписчиков, часть сделана на полях, занимавших всю правую половину каждой страницы. Поправки делались черни-

лами и карандашом, по-видимому, в разное время и, что особенно существенно, разными почерками. Утверждать, что все они принадлежат Миклухо-Маклаю, было бы рискованно. Некоторое количества поправок носит сугубо стилистический характер, и возможно, что здесь действовала чья-то чужая рука. Так, в ряде случаев исправляются характерные для Миклухо-Маклая инверсии (типа «по приказанию письменному», «бросают якорь здесь», «топор, которого ручка»); иногда это делается простым обозначением цифрами нового порядка слов. Другие поправки относятся к мелким подробностям, ограничиваются заменой отдельных слов (вместо «ни единственного» — «ни одного») или отрезков фраз (вместо «несколько человек работали» — «группа туземцев работала»).

Более существенные поправки, уточнения и дополнения фактического порядка. Они безусловно принадлежат самому автору и вписаны либо его рукой, либо кем-то под его диктовку. Подчас в текст вносятся подробности, отсутствующие в полевом дневнике. Так, в дневнике 1874 года к описанию встречи с лакахийцами он добавляет, явно по памяти: «К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смирно, убегая, как только замечали, что я обращаю на них внимание». В полевом дневнике отсутствует пояснение к названию «Бату-Гадья», к которому в рукописи дано пространное примечание.

Во всех рукописных тетрадях есть места, которые Миклухо-Маклай при диктовке оставлял для последующего заполнения: для названий видов животных и растений, имен людей, географических названий, местных терминов. Очевидно, он не хотел отвлекаться для поисков соответствующих слов в других источниках — записанных книжках, в других местах полевых дневников и т. д. Но и в ходе последующей правки большую часть пропусков он так и не восполнил, хотя часто сделать это было совсем не сложно. При переписывании тетрадей для Анучина пропуски были соответственно обозначены, и в ряде случаев уже сам Анучин восполнял их, пользуясь либо материалами Миклухо-Маклая, либо собственными знаниями предмета.

В целом же рукописные тетради, дошедшие до нас, к сожалению, не в полном виде, мы вправе рассматривать как подготовленные автором к печати — продиктованные, вычитанные, авторизованные. Есть все основания видеть в них не что иное, как часть приготовленного Миклухо-Маклаем первого тома своих сочинений. О завершении его учений сообщал в письме неизвестной в апреле-мае 1887 года на пути в Австралию: «Первый том уже переписан, но еще отсутствуют таблицы и их объяснения».¹⁰ Основную часть тома, несомненно, составили обработанные дневники шести путешествий на Новую Гвинею.

Известно, что сразу же после смерти ученого рукопись первого тома была передана в Русское географическое общество, и в протоколах заседаний совета общества есть запись от 12 апреля, согласно которой вице-председатель П. П. Семенов «представил приготовленный к печати покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том

описания его путешествий, обнимающий описание пребывания его в Новой Гвинее».¹¹

Поскольку вся остальная часть архива Миклухо-Маклая поступила в Географическое общество позднее, можно было ожидать, что рукопись первого тома (в дальнейшем — *rpt*) сохранится как самостоятельная единица. Между тем этого не случилось, и Н. В. Каульбарс, которому совет общества поручил рассмотрение всех поступивших рукописей покойного, в своем отчете описывает отдельные части вне связи одной с другой и без ясного представления о том, что он имеет дело с завершенным томом.¹² С легкой руки Каульбарса тетрадки, составлявшие *rpt*, растворились в общей массе рукописей — записных книжек, полевых дневников, набросков научных статей и т. д.

Когда Анучин, выразивший готовность разобрать архив Миклухо-Маклая и подготовить к печати часть материалов, получил в свое распоряжение рукописи (1898 г.), он в результате работы также выделил тетради *rpt* как наиболее подготовленные автором для печати, хотя и не увидел, что имеет дело с завершенным трудом.

В статье по случаю десятилетия со дня смерти путешественника он сообщал, что среди рукописей, к нему поступивших, «оказались переписанные тетради, заключающие в себе более обработанные дневники — первого пребывания на Новой Гвинее, следующих туда поездок <...> эти тетради, по-видимому, предназначались для печати, но и в них встречаются многие пропуски и пробелы, которые требуют пополнения».¹³

Можно предположить, что Анучин, заранее рассчитывая, что предстоит серьезная редакторская работа с дневниками, и решив оставить тетради Миклухо-Маклая в их первоначальном виде, отдал рукописи для копирования.

Как показывает сопоставление копий с сохранившимися тетрадями *rpt*, они довольно точно передают текст оригинала. В них полностью учтена правка, проведенная Миклухо-Маклаем и кем-то из его близких после диктовки. (Кстати говоря, именно это обстоятельство снимает какие-либо сомнения в том, что перед нами отношения копии и оригинала: все те места, которые в оригинале вписаны над строкой или сделаны на полях, в копии идут сплошным текстом). Ошибок, допущенных переписчиками, не так много, у некоторых переписчиков (всего почерков, по нашим подсчетам, 11) они вообще отсутствуют. Отдельные части рукописи кем-то вычитывались, сохранились поправки, но все-таки сплошная вычитка сделана не была. И конечно, вряд ли можно допустить, что Анучин сам считывал рукопись; в лучшем случае он обращался к отдельным местам оригинала, когда ему что-то было неясно или возникали сомнения по тексту.

Большинство обнаруженных нами ошибок объяснимо. Одни вызваны тем, что переписчик неверно прочитывал отдельные буквы оригинала, например, принимал *a* за *o* и наоборот («Тонок» вместо «Танок», остров «Корогу» вместо «Карагу», «гамбар» вместо «гамбор» и т. п.).

Встречаются неверные прочтения целых слов и даже фраз: «хотя я *н*ехорошо спал и просыпался *нс*елений» вместо «значительнейших селений»; «напитывая» (волосы) вместо «натария». Пропуски слов: «тихой деревни» вместо «тихой обстановки деревни»; «ничего не сделал» вместо «ничего дурного не сделал». Пример ошибки, искажающей этнографическую реалию: Миклухо-Маклай записал, что папуасы, в знак выражения удивления, «прикладывали к носу сжатый кулак своей руки»; переписчик написал «к ноге», и в этом бессмысленном виде фраза печаталась в изданиях 1923 и 1940 годов. Отмеченные выше ошибки также попали в печать, и часть их была исправлена только в собрании сочинений. Некоторые ошибки заметил и исправил Анучин.

Таким образом, анализ всей совокупности рукописей дневников, предназначенных для печати, приводит к одному безусловному заключению: основным текстом для издания должен быть выбран текст сохранившихся тетрадей *rpt* как несомненно авторизованный. Из шести новогвинейских путешествий Миклухо-Маклая пять отражены в таких тетрадях. Соответственно рукописные копии с редакторской правкой Анучина, равно как и их воспроизведения в различных изданиях, должны быть расценены как недопустимые с научной точки зрения нарушения авторской воли. Сами по себе копии, освобожденные от волюнтаристских поправок, собственно утрачивают какую-либо текстологическую ценность и сохраняют интерес лишь для истории изданий Миклухо-Маклая. Это, однако, не касается первого, самого раннего слоя поправок, сделанных Анучиным и касающихся преимущественно мест, оставленных в *rpt* незаполненными. Анучин внимательно отнесся к этим пробелам и частично восстановил их. Кроме того, он внес несколько поправок в текст Миклухо-Маклая — в тех случаях, когда считал, что тот допустил ошибку или неточность. Естественно, что при издании дневников предложенные Анучиным вставки и исправления фактического порядка должны быть учтены — либо внесены непосредственно в текст (но, конечно, с соответствующими оговорками), либо использованы в примечаниях.

Только точное воспроизведение *rpt* — при осуществлении современных эдиционных принципов в отношении орфографии, пунктуации, организации библиографических ссылок и др. — позволит нам донести до читателя все богатство содержания, оригинальность мысли и своеобразие стиля Миклухо-Маклая. При этом должны сохраниться многие особенности языка Миклухо-Маклая, смущавшие его редакторов и заставлявшие их то и дело прибегать к исправлениям. Особенности эти могут быть систематизированы по основным группам.

1. В оформлении категорий числа, рода, падежных форм существительных и прилагательных: *банан*, *орех*, *бисквит* и подобные в родит. пад. множ. числа; полуострову в предл. пад.; выражения типа «будучи человек *enerгичный*».

2. В оформлении глаголов, причастий и деепричастий: «отказал»

вместо «отказался», «не решая» вместо «не решаясь», «шел, сопровожденный своей дочерью».

3. В употреблении предлогов: «встретил в речке»; «замечал в Новой Гвинее»; «в плантации»; «любезен относительно меня».

4. В области лексики: особенности в звуковом составе слов (шлюбка, шкуна, напречь); в словообразовании (характеристичный, энергический); в словоупотреблении («путеводитель» в значении «проводник»; «припомнил» в значении «напомнил»; «необходимо» в значении «обязательно», «непременно»; «предложения» в значении «предположения», «парализует» в значении «восполняет», «устраняет»).

5. В области синтаксиса — специфические, «неправильные» построения фраз, тяжеловесные конструкции, нарушения согласований (типа «несколько человек сидело <...> и перекидывались словами»).

Конъектуры допустимы лишь в крайних случаях, равным образом как и подстрочные пояснения к отдельным фразам. Как свидетельствует наш опыт работы над текстами дневников Миклухо-Маклая, и то, и другое оказывается необходимым весьма редко: читатель, предупрежденный об особенностях языка путешественника, не будет испытывать никаких затруднений, зато ощутит в полной мере его своеобразие.

3

Особого внимания заслуживает вопрос о дневнике 1871—1872 годов. По своей значимости он, несомненно, занимает ключевое место во всем литературном наследии Миклухо-Маклая. Можно с уверенностью сказать: если бы из всего наследия до нас дошел бы один этот дневник, и тогда научный и человеческий подвиг его автора предстал бы перед нами во всем своем величии. Судьбе, однако, было угодно распорядиться именно с дневником первого пребывания на Берегу Маклая самым безжалостным образом. Та часть *рнм*, которую занимала рукопись дневника 1871—1872 годов и которая безусловно находилась в распоряжении Анучина, ныне бесследно утрачена.¹⁴ От полевого дневника сохранился лишь небольшой фрагмент. Вообще полевые материалы первого пребывания почти целиком исчезли.

Таким образом, единственный текст, каким мы располагаем, — это копия, сделанная для Анучина. Рукопись на больших линованных листах, частично сшитых, в большей части разрозненных, писана то на одной, то на обеих сторонах разными почерками; всего почерков шесть, причем два из них встречаются также в копиях дневников 1874 и 1876—1877 годов. Как и остальные рукописи дневников, эта была подвергнута дважды правке Анучином. На первом этапе он постарался в некоторых местах восполнить пропуски оригинала, раскрыл сокращения в тексте, перевел цифровые обозначения в словесные и др. Вместе с тем он уже здесь внес мелкие стилистические поправки. Позднее, уже перед печатанием книги, Анучин произвел большую правку, о которой выше было сказано подробно. Таким образом, копия дневников 1871—1872 годов по

своему внешнему виду мало чем отличается от остальных копий, разве только тем, что первые 46 страниц были переписаны каллиграфическим почерком, видимо рукой профессионального переписчика, а в дальнейшем перепиской занимались, как известует из сохранившихся документов, студенты. Кроме того, на с. 113—146 сохранились немногочисленные поправки, сделанные совсем другой рукой и другими чернилами: по-видимому, эту часть рукописи кто-то считывал. К сожалению, считка не коснулась остальных частей рукописи.

Опираясь на результаты сопоставления копий с сохранившимися частями *рпм*, мы можем с полной уверенностью утверждать, что и копия дневников 1871—1872 годов достаточно надежна и верна. Речь может идти лишь о мелких, единичных ошибках, ошибках переписчиков. Некоторые из таких ошибок обнаруживаются при внимательном чтении (напр., вместо «улетел», напрашивавшегося по смыслу, — «учитель», явно механическая ошибка). Текст копии, освобожденный от абсолютного большинства поправок Анутина, касавшихся языка и стиля Миклухо-Маклая, должен быть признан основным. Единичные конъектуры Анутина, так же как и попытки его заполнить имевшиеся в *рпм* пропуски, должны быть критически учтены. Разумеется, известная доля сомнений относительно полноты соответствия имеющегося текста тексту *рпм* сохранится.

Вопрос осложняется свидетельствами самого Анутина о характере его работы над дневниками 1871—1872 годов. Сохранились два письма — секретарю Географического общества А. В. Григорьеву от 22 ноября 1899 года и сменившему его в должности секретаря А. А. Достоевскому от 29 ноября 1903 года. В более раннем Анутина писал: «Первое пребывание М.-М. на Н. Гвине мною сличено по нескольким спискам и составлен наименее полный, хотя и в нем оказываются пропуски (собственные имена, некоторые названия животных, туземные слова и пр.). 2-е пребывание также подготовлено». ¹⁵ Позднее: «2. Дневник (Составлен полный список по 4—5 имеющимся более или менее полным спискам, 317 стр. в лист, хотя иные весьма неполны и все вообще имеют пропуски)». ¹⁶ 317 страниц — это, конечно, известная нам копия. Если буквально читать письма, то можно предположить, что Анутин сделал некий свод из источников. Для этого он должен был провести значительную правку в рукописях Миклухо-Маклая, сделать разного рода обозначения вставок, отсылок и т. п., с тем чтобы переписчики могли ориентироваться при копировании. Между тем, насколько мы знаем, Анутин старался оригиналов не трогать и всю редакторскую работу вел с копиями. В этом отношении особенно показательна его работа с текстом дневников 1876—1877 годов. Здесь, действительно, он использовал несколько источников, вставки из них он переписал собственной рукой и вложил в соответствующие места копии. Кроме того, он значительно перекомпоновал порядок текста, проставив в копии многочисленные знаки, указывавшие на места вставок, на отсылки и т. д. Было бы естественно предположить, что и в случае с дневником 1871—1872 годов Анутин поступил так же. Между тем следы правки копии по содержанию минимальны. Правда, и для такой правки

редактор должен был обратиться к разным источникам, в первую очередь — к записным книжкам.

Нельзя ли предположить, что между *rpt* и дополнявшими ее источниками, с одной стороны, и дошедшей до нас копией, — с другой, существовала рукопись, в которой первоначально отразилась вся работа Анутина по созданию сводного текста? Такое предположение маловероятно, если опять-таки вспомнить пример с копией «Второго пребывания на Берегу Маклая», которую Анучин не считал нужным перекопировать, несмотря на то что в результате редактирования она приобрела неудобочитаемый вид.

К этому нужно добавить следующее соображение. Из описаний архива Миклухо-Маклая, составленного М. В. Каульбарсом, пусть достаточно небрежно, никак не следует, что имелось несколько списков дневника 1871—1872 годов. В лучшем случае речь может идти: а) о полевом дневнике, полностью или частично сохранившемся; б) о части *rpt* и в) об одной записной книжке, в которой несколько страниц посвящено первому пребыванию. Мы полагаем возможным допустить, что Анучин имел в виду не 4—5 вариантов дневника, а 4—5 разрозненных тетрадей *rpt*, содержащих обработанный Миклухо-Маклаем для печати дневник. В груде материалов, поступивших к Анутичу, эти тетради оказались не вместе, и редактору пришлось объединять их, тем самым составляя «полный список».

Этим предположением приходится пока ограничиться, оставив вопрос об объеме и реальном характере редакторской работы Анутина над текстом дневника 1871—1872 годов открытым.

Как бы то ни было, сохранившийся текст копии — это единственная реальность, с которой нам приходится иметь дело.

4

Работа над завершением *rpt* проходила в 1886—1887 годах в Петербурге и была сопряжена для Миклухо-Маклая с большими трудностями. В течение нескольких лет, начиная по крайней мере с конца 1870-х годов, он обдумывал план, состав, построение своих «Описаний путешествий». Замыслы менялись, работа над томами, которых должно было быть два, то начиналась, то надолго прерывалась.¹⁷ Два внешних обстоятельства мешали ее продвижению: во-первых, отвлечение на разные дела научного и общественного порядка, неустроенность жизни, частая перемена обстановки; во-вторых, незддоровье, на недели и месяцы выводившее путешественника из рабочего состояния. Но было и еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать: Миклухо-Маклаю тяжело доставалась литературная работа. Придавая исключительную важность своим «Описаниям», он вместе с тем испытывал трудности и сомнения творческого порядка. По-видимому, в преодолении этих трудностей и сомнений особую роль сыграло письмо к нему Л. Н. Толстого от 25 сентября 1886 года, в котором были и такие строчки: «Изложите с величайшей подробностью и с свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы всту-

пали там с людьми <...>. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми».¹⁸

Письмо это, очевидно, подкрепило замыслы самого Миклухо-Маклая и вдохнуло в него силы. Мы не знаем точно, когда завершилась работа над *рpt* (имеющиеся сведения противоречивы), но ответное письмо Миклухо-Маклая от января 1887 года ясно свидетельствует о его решимости пойти навстречу советам Толстого.¹⁹

В одном отношении Миклухо-Маклай не послушался Толстого, в чем сам со свойственной ему прямотой признался в ответном письме, а именно: он не «отстранил», а, напротив, постарался предельно сохранить для читателя познавательную, научную — этнографическую и антропологическую — сторону описаний. Но, конечно, выдвижение в качестве равноправной стороны собственных «похождений» и особенно «отношений человека с человеком» сделало дневники Миклухо-Маклая выдающимся памятником литературы путешествий.

У каждого из шести дневников, составивших корпус *рpt*, свое лицо, свои структурные, сюжетные, повествовательные особенности. Разница особенно заметна, когда мы сравниваем дневники путешествий 1871—1872, 1874 и 1876—1877 годов, наиболее протяженных по времени и самых содержательных по результатам. В основе различий лежат, конечно, неодинаковые условия, в которых протекали эти путешествия. Свою роль сыграло и состояние источников, которыми располагал Миклухо-Маклай в отношении всех трех путешествий. Но нужно учитывать также и наличие у него всякий раз новых замыслов, которые отчасти подсказывались двумя указанными фактами, а отчасти носили чисто творческий характер.

Прежде всего об источниках. К сожалению, дожедший до нас архив Миклухо-Маклая сохранил лишь ничтожную часть его полевых материалов. Многое было утрачено при переездах, при пересылках, по многое безвозвратно погибло в первые дни после смерти путешественника. Вдова, отчасти выполняя волю мужа, отчасти по собственной инициативе предала огню ценнейшие материалы — письма, черновые тексты, какие-то записные книжки и дневники.²⁰ Утраты продолжались и позднее — далеко не все, что было передано наследниками Миклухо-Маклая в архив, уцелело до наших дней. Остается открытый вопрос о полевом дневнике 1871—1872 годов. До недавнего времени считалось, что он был сожжен вдовой, но внимательный анализ сохранившихся документов (дневник Маргариты Миклухо-Маклай, опись архива, сделанная Н. В. Каульбарсом, письма М. Н. Миклухо-Маклая, заметки Д. Н. Анучина) заставляет предположить, что он уцелел, был передан вместе с другими материалами в Географическое общество, оттуда попал в составе других бумаг к Анучину и . . . здесь следы его теряются. Фрагмент дневника, охватывающий записи января—февраля 1872 года, оказался спасенным только потому, что, по-видимому, еще в 1882 году оторвался от основного корпуса дневника первого пребывания на Берегу Маклайа.²¹ Как ни странно, от первого пребывания не сохранилось почти никаких

полевых материалов, кроме многочисленных рисунков, представляющих уникальную ценность.

Обрабатывая дневник 1871—1872 годов для *rpt*, Миклухо-Маклай кое-что сокращал (но и добавлял некоторые подробности и сведения), но в целом воспроизвел его существенные качества. Это прежде всего последовательность, аккуратность ведения записей. Миклухо-Маклай каждый день своего первого пребывания на берегу Новой Гвинеи заканчивал записями в дневнике, фиксируя наблюдения, факты и итоги размышлений. Правило это нарушалось, видимо, лишь в дни острейших приступов лихорадки. Путешественник дожил свежестью впечатлений и не откладывал запись на завтра даже в экстремальных ситуациях: таковы, например, записи поздней ночью 13 декабря, после драматических похорон Боя, или 7 января в разгар одного из приступов лихорадки, еще не окончательно свалившего его в постель. Другая черта дневниковых записей 1871—1872 годов — их обстоятельность, почти полное отсутствие записей беглых, формальных. Отсюда — исключительное богатство содержания, своеобразная энциклопедичность дневника. Наконец, третья особенность — это «программность», содержательная организованность дневника, до известной степени отразившая программность, целенаправленность всей многомесячной жизни Миклухо-Маклая среди папуасов. В итоге первый новогвинейский дневник — документ по самой своей природе как бы подчиненный случайностям, эмпирике повседневности, перипетиям непредвиденных событий — воспринимается как произведение удивительно цельное, с органически развертывающимся сюжетом, соединяющее драматизм описываемых событий и проблемность деятельности путешественника, пронизанной замыслом.

Дневник 1874 года во многом отличается от предшествующего, да и путешествие на Берег Папуа-Ковиай (западная часть Новой Гвинеи) было совсем иным. Оно длилось несколько месяцев. Миклухо-Маклаю не удалось создать стационар, большая часть экспедиции прошла в плавании на маленьком туземном судне, перемежаясь короткими высадками и эпизодическими экскурсиями в глубь побережья. Не было ни постоянного пристанища, ни разумеренного рабочего распорядка. Ни днем, ни ночью не было покоя, угроза нападения нависала все больше, пока не разразилась в отсутствие Миклухо-Маклая драма на Айве, когда были убиты женщины и дети, искающие у него защиты, а дом его был разграблен.

Дневник 1874 года, обработанный для *rpt*, по необходимости краток, фрагментарен, слабо организован. Зато он передает напряженную атмосферу экспедиции, драматизм событий, сжато, но точно рисует обстановку в этой части Новой Гвинеи, уже вовлеченной в межрегиональные связи, познавшей плоды колониализма и межэтнических распрай. С большой выразительностью описаны красота и суровость малолюдного края и раскрыто трагически безысходное состояние его несчастных обитателей. Наконец, по-новому выступают здесь черты самого путешественника, сумевшего сохранить мужество и достоинство в острейших ситуациях.

Сохранилась большая записная книжка, содержащая весь полевой дневник путешествия на Папуа-Ковиай.²² Но он отличается от соответствующей части *rpt* тем, что захватывает все путешествие — с момента отплытия из Батавии и до возвращения. По каким-то мотивам Миклухо-Маклай ограничился обработкой только той части, которая непосредственно связана с экспедицией по Новой Гвинеи. Между тем предшествующая и завершающая части также очень содержательны, заключают немаловажный этнографический материал, а к тому же много дают для понимания обстоятельств труднейшего путешествия и проливают свет на поведение Миклухо-Маклай, на его отношения с людьми и т. д. Редакторы собрания сочинений правильно сделали, включив обе части в состав публикуемых дневников. К сожалению, и в этом случае они последовали за Анучином, подвергнув тексты полевых дневников некоторой правке. Разумеется, полевые дневники должны увидеть свет в своем подлинном виде.

Дневник 1876—1877 годов в *rpt* совершенно не похож на предыдущие. Он состоит как бы из двух частей. Первая начинается с двух небольших записей, обозначенных датами — «июнь» и «июль». Этим задается структура части, где за единицу описания событий принят месяц. К тому же преобладают записи, лишь фиксирующие происшедшее и иногда кратко характеризующие события. Что существенно — перед нами не «сегодняшние» записи дневника, а ретроспективное изложение, что-то вроде писем о прошедшем. Ничего не сообщается о домашних делах, о повседневной жизни, о быте, об отношениях с соседями из Бонгу. Августовские и сентябрьские записи лишь фиксируют многочисленные экскурсии, а записи в октябре, ноябре и декабре схематично обозначают темы возможных рассказов. Вплоть до ноября 1877 года следует простой перечень событий, экскурсий, и завершается первая часть записью об отъезде.

Вторую часть дневника составляют отдельные, не зависимые один от другого сюжеты, изложенные то в форме дневниковых записей, то в виде свободных рассказов или зарисовок. Содержание сюжетов перекликается с краткими записями в первой части. По-видимому, таких сюжетов должно было быть больше — на это указывают другие записи первой части, не получившие развития во второй.

В результате может сложиться впечатление, что дневник 1876—1877 года был не до конца обработан автором и не завершен. Именно такой точки зрения придерживался Анучин, который решился на существенные переделки текста *rpt*. Так, он «вложил» отдельные сюжеты второй части в соответствующие места первой, соединив краткие записи типа оглавления или аннотации с подробными рассказами. Более того, используя заметки в записной книжке Миклухо-Маклай, он пополнил состав сюжетов исходя из соответствия заметок «оглавлению» в первой части.

Разумеется, подобная реконструкция недопустима — она была бы возможна лишь в виде комментариев редактора к установленному автором тексту. Реконструкция начисто разрушает специфическую цельность обеих частей (особенно первой, которая в значительной своей части вообще растворяется между подключенными сюжетами).

Признавая известную незавершенность рукописи, мы обязаны печатать ее в том виде, в каком она существует в составе *rpt*. Другое дело — необходимо постараться выяснить, отчего автор придал ей такой необычный вид, и попытаться, опираясь на сохранившиеся источники, снабдить текст *rpt* примечаниями, которые существенно раздвинули бы наши представления о втором пребывании на Берегу Маклая, исключительно важном по своим результатам.

Напрашивается одно простое объяснение: готовя текст к печати, Миклухо-Маклай просто не располагал столь же полным полевым дневником, как в двух предыдущих случаях. Трудно допустить, что он в 1876—1877 годах не вел такого дневника, и все же есть основания думать, что во всяком случае он не делал этого с такой же аккуратностью и обязательностью, как в 1871—1872 годах, возможно, ограничиваясь подчас записями в записных книжках. Но дневник, конечно же, был. О его судьбе можно догадываться, читая много позднее написанный очерк «Один день в пути».²³ Миклухо-Маклай рассказывает, как, приехав в Сингапур в 1886 году, он отправился в какой-то банк, чтобы забрать оттуда бумаги, отданные им на хранение. Оказалось, однако, что он начисто забыл, с каким банком имел дело, и бумаги навсегда пропали. Это были материалы экспедиции 1876—1877 годов. Вполне вероятно, что среди них находился и полевой дневник.

Сохранились, однако, другие полевые материалы второго пребывания, представляющие исключительный интерес и сами по себе, и в связи с историей создания *rpt*. Это, во-первых, записная книжка с заглавием на титульном листе, сделанным рукой владельца: «Зап. кн. № 4 1876 июль — Берег Маклая Бугарлом Айру — ноябрь 1877».²⁴ Среди прочих заметок здесь мы находим записи о первых — после высадки — экскурсиях, а также (под общим заглавием «Этнографические заметки») сюжеты «Свадьба Мукау» и «Болезнь и смерть жены Моту», включенные в текст *rpt* в несколько обработанном виде, и сюжет о празднике в Бонгу, о котором есть упоминание в «оглавлении» и который на этом основании Анучин включил в корпус своей реконструкции.

Кроме записной книжки сохранилось несколько характерных для Миклухо-Маклай тетрадочек, которые он делал, складывая (и иногда шивая простыми нитками) в одну четверть обычные листки бумаги. Такие тетрадки Миклухо-Маклай носил в верхнем боковом кармане во время экскурсий, занося туда попутные сведения. Правильнее всего называть их карманными записными книжками (далее — *кзк*). Записи в большинстве случаев делались карандашом, они носят беглый характер, слова сокращены или недописаны, почерк небрежный. Здесь же встречаются наброски схем местности, силуэты берегов, виды гор, моря, рисунки хижин, лодок, человеческих лиц и фигур, образцов орнамента, данные измерений высоты разных гор и пунктов, имена жителей, записи отдельных слов и выражений на диалектах. До нас дошли *кзк* с августовскими записями 1876 года,²⁵ апрельскими, майскими²⁶ и июльскими²⁷ 1877 года. Здесь мы также находим — иногда в конспективной,

ионогда в распространенной форме — изложение фактов и сюжетов, нашедших отражение в *рpt*. Очевидно, что восстанавливать полную картину второго пребывания на основании рассредоточенных по разным источникам записям, да к тому же фрагментарным, Миклухо-Маклаю было нелегко. Полностью он с этой задачей так и не справился, о чем свидетельствует наличие в *кзк* записей, которые могли быть обработаны, но остались в своем первозданном виде. Работать с профессиональными переписчиками над текстами *кзк* Миклухо-Маклай считал, видимо, для себя непродуктивным делом, может быть поэтому большая часть сюжетов в *рpt* переписана рукой третьего писца, которого мы считаем человеком, близким Миклухо-Маклаю: работа требовала времени, постоянных отвлечений, расшифровки полевых записей и т. д.

Располагая теперь всеми уцелевшими материалами путешествия 1876—1877 годов, мы имеем возможность несколько расширить представления читателя о втором пребывании Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи, но, разумеется, будем это делать не так, как Анучин и его последователи. Сохранив в целостности корпус текста *рpt*, каким бы несовершенным он нам ни казался, мы постараемся пополнить его, поместив в примечаниях извлечения из записных и карманных записных книжек.

5

Существенную и вполне органичную часть новогвинейских дневников составляют рисунки и схемы, выполненные самим путешественником. Одни из них, и таких большинство, прямо включаются в текст, дополняя и поясняя его и сами поясняясь текстом: это рисунки хижин, видов деревни, уголков моря, портреты папуасов, схемы маршрутов, наброски карт и т. п. Привязанные к определенным местам дневников, все они как бы оживают и сами оживляют рассказ. Некоторые из них содержат, помимо подписей, свой небольшой текст, который также интересен.

Издатели собрания сочинений Миклухо-Маклая впервые последовательно осуществили замысел самого автора и соединили рисунки с текстами дневника. Правда, при этом они допустили в отдельных местах нарушения, включив рисунки, сделанные, скажем, в 1877 году, в текст дневника 1872 года. При новом издании такие отступления не должны иметь места. Трудности вызовут недатированные рисунки, но их, к счастью, совсем немного.

С сожалением приходится констатировать, что многое из зарисованного Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее не дошло до нас, разделив участь других экспедиционных материалов. О каких-то утрах мы можем судить, не обнаружив рисунков, о которых говорится на страницах дневников. Но о многом мы просто не знаем.

Довольно значительный иллюстративный материал сосредоточен в *кзк*, чаще всего это карандашные наброски. Сделанные наспех и к тому же частично стершиеся от времени, они чаще всего не под-

даются воспроизведению. Между тем бросить их было бы неразумно. Правильнее всего уделить их описанию место в примечаниях.

Рисунки Миклухо-Маклая представляют двоякую ценность: как биографический материал, дополнительно проливающий свет на обстоятельства его путешествий, и как материал этнографический и антропологический, выполняющий роль надежного документа. В сущности Миклухо-Маклай был первым, кто запечатлел достоверно и со множеством подробностей различные стороны папуасского мира. О степени точности его фиксаций говорит следующий факт, свидетелем которого был автор настоящих строк. В 1971 году этнографический отряд советской океанийской экспедиции работал в деревне Бонгу. С нами были фотокопии портретов бонгуанцев, сделанных сто лет назад Миклухо-Маклаем. Портреты стали показывать жителям деревни, и самый старый из них — Танок — назвал имя юноши на рисунке. Оно совпало с подписью, сделанной художником: Асоль.

Миклухо-Маклай принадлежит к числу тех исторических личностей, о которых нам интересно и важно знать все, и как можно точнее. Отсюда — двоякая задача, которая должна быть осуществлена при научном издании его наследия: с одной стороны, мы обязаны следовать авторской воле, бережно воссоздавать авторские замыслы, пресекать волонтистский подход к публикациям его сочинений; с другой стороны, важно как можно шире вводить в читательский оборот материалы, оставшиеся в записных, карманных записных книжках, в черновиках, памятую об исключительной ценности любых заметок ученого, обусловленной его научной честностью, прецельной целеустремленностью, наблюдательностью и широтой интересов.

¹ См.: Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 154—157.

² Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. / Со вступит. статьей Д. Н. Анутина. М., 1923. Т. 1: Путешествия в Новой Гвинее в 1881, 1882, 1884, 1876, 1877, 1880, 1883 гг.

³ Хранятся: ЛЧ ИЭ, ф. К—У, оп. 1, ед. хр. 293, 295, 299, а также: АГО, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 73, 82.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940. Т. 1.

⁵ Автору этих строк случайно удалось установить, что основная работа по подготовке текста и правка велись редакторами издания 1940 г. прямо по экземпляру книги 1923 г. издания (Библиотека Института этнографии АН СССР, шифр К-4439), разумеется, без обращения к рукописям для сравнения.

⁶ См.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 1: Дневники путешествий (1870—1872); Т. 2: Дневники путешествий (1873—1887). Мы не касаемся здесь других сторон настоящего издания, значение которого в восстановлении научного наследия Миклухо-Маклая чрезвычайно велико. См. об этом: Путилов Б. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985. С. 272—276.

⁷ В настоящее время хранятся: ЛЧ ИЭ, ф. К—У, оп. 1, ед. хр. 294, 297, 298, 300.

⁸ В архивном обозначении последовательность дневников нарушена; соответственно хронологии рукописи располагаются: № 297, 294, 298, 300.

⁹ При дальнейшем цитировании рукописей зачеркнутые слова приводятся в угловых скобках, вписанные переписчиками над строкой — курсивом.

¹⁰ М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1953. Т. 4: Переписка и другие материалы. С. 319. Из этих слов известно, что в состав первого тома входили также научные статьи по этнографии и антропологии. О менявшихся планах первого тома, о ходе работы над ним, о сложностях, с ними связанных см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. Гл. 4.

¹¹ Известия Русского географического общества. 1888. Вып. 6. С. 510.

¹² Там же. 1889. Вып. 4. Прил. 3. С. 71—74.

¹³ А и у ч и н Д. Десятилетие со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклай // Землеведение. 1898. Кн. 1—2. С. 227.

¹⁴ Здесь следует сказать, что переданный Д. Н. Анучину из Географического общества архив Миклухо-Маклай (без какой-либо охранной описи) пребывал в крайне небрежном состоянии, а после смерти Анучина разошелся по разным адресам и был уже в 1930-е годы возвращен в Географическое общество далеко не в полном виде.

¹⁵ АГО, ф. 1—1881, оп. 1, д. 25, л. 117—118.

¹⁶ Там же. Л. 120 об. За указание писем приношу благодарность Д. Д. Тумаркину.

¹⁷ Подробно см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. Гл. 4.

¹⁸ Т о л с т о й Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 379.

¹⁹ Г р у з и н с к и й А. Е. Лев Толстой и Миклухо-Маклай // Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник 1. М., 1928. С. 55. Об отношениях Л. Н. Толстого и Миклухо-Маклай см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. С. 105—121, 146—147.

²⁰ О драматических подробностях, связанных с судьбой бумаг покойного, подробно см.: П у т и л о в Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. С. 197—199.

²¹ Хранится: ГПБ, к. п. 1949 / № 82. Первое описание: Л и х т е н - б е р г Ю. М. Две вновь найденные рукописи Н. Н. Миклухо-Маклай // Сов. этнография. 1951. № 2. С. 195—196. Фрагмент опубликован с редакторской правкой и с ошибками, см.: М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 383—411.

²² АГО, ф. 6, оп. 1, № 31.

²³ М и к л у х о - М а к л а й Н. Н. Один день в пути (Из дневника) // Книжки «Недели». Ежемесячный журнал. 1887. Март. С. 2—25.

²⁴ Архив Московской части Института этнографии АН СССР. Описание книжки см.: Л и х т е н б е р г Ю. М. Указ. соч. С. 196—197.

²⁵ АГО, ф. 6, оп. 1, № 83.

²⁶ ЛО ААН, ф. 143, оп. 1, № 25.

²⁷ Там же. № 24.